

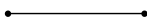

МАРИНА КОМАРОВА

КАЛИНКА-МАЛИНКА

— **ДЛЯ КОЩЕЯ** —

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К63

Разработка серийного оформления *О. Запис*

Иллюстрация на переплете *Е. Совы*

Комарова, Марина Сергеевна.

К63 Калинка-малинка для Кощея / Марина Комарова. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-107768-6

Калина — чудесница из Полозовичей, вотчины Змеиного царя.

От нечистого спасает, на удачу заклиняет, водичку живую от неведомого благодетеля местным поставляет. Но всё меняется, когда исчезает лучший друг и сам Кощей Бессмертный зовёт в свои чертоги, обещая любовь и ласку. Стоит ли верить? И что таится за нежностью Кощевой? Поможет ли он отыскать друга или заведёт к гибели?

Но Калина не робкого десятка, да и в беде своих не оставляет!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Комарова М. С., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107768-6

Часть I

УКРАДЕННЫЙ ЖЕНИХ

Глава 1

ЗНАКОМСТВО У РЕКИ

— **М**ожет, лучше поцелуешь, красавица? — хрипло спросил он, опалая кожу дыханием.

Так близко, так самоуверенно. Чуть потя-
нись — и можно коснуться губ. И...

Я с удовольствием залепила ему пощечину. Получилось так звонко и смачно, что аж сама порадовалась.

Он отпрянул, в глазах сверкнули лиловые молнии. А глаза-то ничего-о-о... Светло-серые, будто небо осенью, но не грозное, а просто затянутое тучами, за которыми прячется солнце.

Да и сам весь хорош, будто с картинки сошел. Статный, плечистый, ладный. И не важно, что одет в простые штаны и льняную рубашу, расшитую черными узорами. Кстати, странно. Кто вышивал-то? Одним черным цветом нехорошо ведь. Но красиво смотрится, в тон его волосам, как вороново крыло, что спускаются за спину. Черты лица красивые, резкие. Прямо хищный зверь, а не человек. На такого бы смотреть и смотреть. Только пахнет от него полынью и морозом ранней зимы.

Да и повадки... далеки от прекрасных.

— И поцелую, — хмыкнула я, вслушиваясь в плеск волн реки. Так-так, водяные вовсю подслушивают, потом сплетен не оберешься. — Только не тебя.

Эх, хорошо же денек начинался! Солнышко светило, птички пели, на улице тепло. Я подхватила корзинку с бельем — и на речку. Нечего накапливать, постирать да вывесить надо, чтобы потом дальше спокойно заниматься своими травами. Но нет. Все не так.

Свалился тут на голову. Сначала держался на почтительном расстоянии, а потом подошел, разговор завел. Дивиславом представился, сыном кузнеца. Говорил толково, складно. Я и заслушалась. Прямо аж удивление взяло: откуда бы сыну кузнеца так уметь? Тут иной сказитель так речи не сложит, а этот — прямо заслушаешься.

Вот и сказала:

— Слова у тебя — мед сладкий, таким торговать можно. Очередь соберется знатная.

А этот подлец возьми и целоваться полезь! Я настолько оторопела, что даже чудесницкую силу не вложила в ладонь, так от души и вмазала. Просто, без эффекта.

Впрочем, Дивислав не особо смутился, удар ему вреда не причинил. И только на красиво очерченных губах появилась тень улыбки.

— Резвая, — только и сказал он.

И продолжил смотреть так, словно уже решил съесть с потрохами.

— Шустрый, — не смутилась я, складывая руки на груди. — Али раз умеешь сладко рассказывать, так и девицы все должны у ног лежать?

— Хотелось бы, — неожиданно весело сказал он.

И вроде даже потянулся ко мне, чтобы сгрести в охапку, но резко остановился. Прислушался. Я насторожилась. И впрямь за спиной что-то треснуло.

— Калина-а-а! Калина! — раздался звонкий крик Забавы.

Дивислав чуть нахмурился. Вечно так с этими молодцами. Как один на один, так герой. А как кто еще появится, так сразу в кусты.

— Калина!

Я выжидающе смотрела на него: ну, сокол ясный, что будешь делать?

Неожиданно солнце померкло, а где-то вдалеке загрохотал гром. Серые глаза Дивислава подернулись дымкой, зрачок на мгновение исчез, уступив светло-серой радужке. Я вздрогнула — вмиг дышать стало тяжело, а голова пошла кругом.

Он оказался совсем близко, стиснул в объятиях, не давая вырваться. Сердце замерло, словно и не знало как биться.

— Я еще вернусь, Калинка-малинка, — обжег он полынным дыханием. — Никуда от меня не денешься.

И, обернувшись черным вороном, взмыл в небеса.

Я аж шарахнулась назад. Но потом только покачала головой. Чего только не бывает. Появится,

понимаешь, голову вскружит, а потом — раз! — и улетел. И так, скажу я вам, не только с нелюдями лесными. Обычные мужчины — тоже те еще... летуны.

— Калинка, ты меня вообще не слышишь, что ли? — возмущенно спросила Забава, к которой я так и не соизволила обернуться.

Вздыхнув, я все же повернулась к подруге. Да уж. Забава, дочь Остромысла. Страшная женщина. Не внешне, но внутренне. Еще ни один молодец не сумел унести ноги от ее пылкового взгляда. А что? Душа-девица всяя Полозовичей, краса, надежда и прочее-прочее, если только у нее... хорошее настроение. Пышные косы, пышные формы, пышно, э, самомнение. При всем этом за близких готова ринуться в бой, дать больно, а потом невинно захлопать ресницами. А еще любит котиков, куда без обормотов пушистых. В общем, мед, а не девица. Главное, потреблять без перебора.

Забава покрутила кончик белокурой косы, а потом резко закинула ее за спину. Глянула на меня озорными голубыми глазами:

— С кем ты тут разговаривала? Мужчина был, своими ушами слышала. Где взяла?

— Сам пристал, — сказала я чистую правду, наклоняясь и беря корзину с бельем. — И умчался так быстро, что я и слова не успела сказать. А хотела с тобой познакомиться.

Забава тут же насупилась. Ей, вечно жаждущей отыскать единственного и неповторимого, катастрофически не везло в любовных делах.

— Издеваешься, — припечатала она. — Все я поняла. Никто меня не любит, никто не приголубит. Пойду-ка я...

— Э... нет, родная. Бери свою корзинку и пошли домой. А то у меня и так ничего не осталось от пирожков с малиной.

Забава не оценила моей искренней заботы о ее фигуре — презрительно фыркнула, легко взяла одной рукой корзинку и зашагала передо мной. Я только хмыкнула и последовала за ней. Ну а что? Покушать, знаете ли, это прекрасно, сама не без греха, но надо и про меру не забывать.

Забаву, кстати, мои нравоучения страшно злят. Подруга не забывает напоминать, что девушки, которые жр... едят и не толстеют, — ведьмы. Ну что ж... в этом есть зерно истины. Особенно учитывая, что моя мать — чудесница. А чудесница от ведьмы недалеко стоит; по сути, одно и есть. Только у нас, в Полозовичах, называется чуть иначе. Вот так и живем.

— Красивый хоть был? — спросила она, не оборачиваясь.

Я не сразу поняла, о чем речь. Но потом дошло. Красивый? Да. В Полозовичах у нас все больше светловолосые и светлоглазые. Ну, еще есть горцы заезжие с Ночных гор — те юркие и смуглые, вечно сверкают глазищами темными и бездонными.

— Красивый, — подтвердила я. — И явно нездешний. Только... нахальный больно.

Забаву все же обернулась. В ярко-голубых глазах мелькнул интерес.

— Ну-ка, рассказывай подробнее.

Я задумчиво смотрела под ноги. Дорога до речки от моего дома вся в ямах да ухабах: того и гляди споткнешься и упадешь в ворох листьев и хвойных иголок. Лес возле Ночных гор — всем на зависть лес. Нигде такого больше не сыщешь. Даже из самого стольного града Къева все едут к нам. За древесиной, за ягодами, за советами лесных жителей... Но об этом позже.

— Статный и черноволосый. Одет вроде просто, сыном кузнеца представился. Только не превращаются сыновья кузнецов в воронов.

Забава протянула руку и сорвала с куста сочные ягоды, темно-красные такие, с кислинкой. Шеленика зовутся, местная, так сказать, достопримечательность. Варенье получается — пальчики оближешь. Чем, по сути, и будет заниматься Забава, когда вымажется в тягучем янтарно-красном ягодном соке.

— Смелая ты, Калинка, — неожиданно вздохнула она. — Я бы испугалась.

И так мечтательно посмотрела на небо, что мне во всей красе представился этот испуг. Да такой, что добрый молодец со скоростью белки забирается на дерево и прячется в раскидистой кроне.

— Вот в следующий раз я буду его за руку держать, — предложила я. — А ты подойдешь и это... испугаешься.

Подруга хихикнула. Но тут же посерьезнела и даже чуть нахмурилась.

— А что, думаешь, вернется?

Я пожала плечами. Хотя последние слова Дивислава помнила очень хорошо. Да и стальную решимость в светло-серых глазах. Этот вернется, точно вернется. Такие от своего слова не отступаются. А касаясь страха... Часто в лесу встречаем то горцев, то дровосеков из соседних деревень, то купцов. Ну и нелюди ходят, это известное дело. Поэтому я ни капли и не удивилась, когда Дивислав обернулся вороном. И не особо испугалась, с моей-то силой не каждый осмелится сделать плохое. С виду хоть и не богатырка, да только не внешность главное.

— Вернется, — вслух сказала, осознав, что Забава подозрительно щурится.

— Ай, Кали-и-инка, — протянула она. — Вижу, пришелся тебе по душе.

Я сделала вид, что не понимаю, о чем она. Впрочем... Забава считала, что по душе мне каждый второй молодец, поэтому удивляться точно не пристало.

— Прибавь шагу, болтушка, — хмыкнула я.

Забава только фыркнула и прикрыла рот ладошкой, чтобы не расхохотаться в голос. Однако, заметив мой взгляд, спешно зашагала вперед. Правда, я сомневалась, что подруга искренне раскаялась в своем поведении.

К Полозовичам мы вышли где-то через полчаса.

Каково же было мое удивление, когда я поняла, что передохнуть после стирки, юркнув к себе, не получится. Возле дома собралась толпа. Все шумели, жестикулировали и явно не собирались расходиться.

— Та-а-ак, — протянула Забава, останавливаясь возле дуба, растущего неподалеку от моего забора. — А тут у нас весело. Вроде ж уходили, спокойно было. Или ты знаешь что-то, чего не знаю я, подруга?

— Ничего, — честно ответила я, считая собравшихся.

Человек под пятнадцать наберется, не меньше. Вот и сходила, постирала. Явились к чудеснице, опять какая неприятность приключилась. Вздохнув, я направилась к дому, кивком дав Забаве знак идти за мной. Разберемся, не в первый раз. Правда, жалко, что спокойно не победать, ведь шум же подняли — матушка дорогая. И вон топчется полозовчанский староста, Микула Радянинович — значит, и впрямь нечто важное. А еще, по-моему, кто-то плачет. Страшно, навзрыд так. Вот это уже совсем нехорошо.

— Да я и говорю — унес окаянный! — донесся мужской бас. — Сам видел!

— Да, было-было! — пискляво добавил старческий голос, принадлежавший дальней родственнице старосты. — И...

— А-а-а-а... Мой бедный-несчастный! Как бы-ыть! — снова донесся плач.

— Ну-ка, тихо! — рявкнула я, и собравшийся люд вмиг притих.

Кажется, даже никто не заметил, как мы с Забавой приблизились. Потому что смотрели так, словно увидели восставших с погоста нежеланных родственников.

Я оценила ситуацию. Так, положение такое: в центре стоит рыдающая Елька с растрепанной косой, а ее по возможности пытаются утешить все сразу, но ни у кого толком не выходит.

— Ой, Калинушка, горе-то какое, — запричитала все та же родственница старосты, — страшное приключило. Такое вышло, такое вышло...

— Не тараторь, — хмуро прервал ее Микула Радянинович.

Родственница (кстати, как ее зовут?) мигом захлопнула рот и кинулась к Ельке. Та старательно утирала слезы и тяжело вздыхала. Так, судя по ней, не так все и плохо. Следовательно, вызывать дружину из Къева-града не будем. Уже легче.

Я протолкалась сквозь людей, используя корзину аки орудие расчищения пути, что, кстати, очень помогло, и остановилась возле Ельки.

— Так, слезы отставить! Быстро рассказывай, что произошло.

За спиной послышалось ворчание:

— Вот же выражается. А еще девица.

— Так дочь же богатыря, — возразили тут же.

Угу. Его самого, дочь Радомира Славного, одного из ближайших соратников князя кьевского.

Поэтому и наследственность, так сказать, обязывает. И вообще...

— Свидетели произошедшего были? — громко спросила я, а потом прищурилась и внимательно поглядела на старосту. Тот покачал головой.

— Да какие свидетели?! — возмутилась родственница. — Елька рыдает, чудесница где-то бродит, беда идет, а...

— А ну-ка тихо! — подала голос Забава, и художничья востроносая родственница старосты тут же умолкла.

Подруга подошла к ней и угрожающе нависла, как Богатырь-Утес над рыбацким домиком у берегов Туманной реки.

— Неясно, что ль? — миролюбиво поинтересовалась Забава, невинно взвешивая корзину с бельем в одной руке, словно примеривалась стукнуть не в меру болтливую тетку. — Чудесница только с Елиной поговорить хочет. Остальным тут не место.

Я с трудом сдержала усмешку. У Забавы тоже силушки не занимать, предки-то были выдающихся способностей. Староста только укоризненно посмотрел на меня. Я чуть пожала плечами, но отступить не собиралась. Когда толпа стоит за спиной, до истины не доберешься. Когда пойму, в чем дело, — сама расскажу. А пока пусть лучше не мешают.

— Оставим их, — мрачно сказал Микула Радянинович.

Люди неохотно начали расходиться. Родственница и вовсе сверкнула темными глазами, отчаянно расстроенная, что лишили возможности послушать, а потом растрепать сплетни по всем Полозовичам.

Но через достаточно короткое время мое подворье опустело.

Забава зорко смотрела вслед ушедшим, чтобы никому не пришло в голову задержаться вроде как случайно и чего подслушать. Все же хоть я и живу здесь с рождения, о том, как чудеса творю, никто почти не знает. Жаждают узнать, но не могут. На то и сила чудесная, втайне должна быть от чужих глаз. На результат посмотреть — это пожалуйста, а вот на процесс — запрещено.

Я подхватила шмыгавшую носом Ельку под локоть и повела в дом.

Дверь открылась сама, пропуская нас в прохладные сени. Тут же окутало запахом дерева, целебных трав и ягод. Тихонько скрипнули половицы под ногами, приветствуя меня нечеловеческим голосом:

— Здравствуй, хозяйюшка милая. С возвращением.

Я прошла в горницу, поманила за собой Ельку. Та уже почти успокоилась, правда, из светлых глаз так и не ушли страх и беспокойство.

— Садись за стол, — велела я. — И рассказывай.

А сама достала бутыль с настоем на травах и налила в глиняную чашку. Все же Елька — девица впечатлительная. Чего увидела — и сразу в крик. Поэтому, дабы сама успокоилась и больше рыдать не вздумала, пусть вот травок попьет. Все одно польза для организма, это я как лекарка говорю.

Поставила перед Елкой, которая явно немного робела в чужом доме, чашку.

— пей.